

3/8092(50)+

ISSN 0130-7517

НЕМАН

№4 2012

Киноповесть Сергея Трахименка «Феномен Бубна»

Рассказы Андрея Федаренко и Ольги Ерьшевой

«Улицы и люди» Владимира Степана

Проза и поэзия Саудовской Аравии

**Владимир Гниломедов: «Национальное и общечеловеческое
не могут обойтись одно без другого»**

НЁМАН

4/2012
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

-
- Сергей ТРАХИМЕНОК. Феномен Бубна. *Киноповесть* 3
- Юрий ФАТНЕВ. На языке огней вечерних. *Стихи* 58
- Андрей ФЕДАРЕНКО. В Крыму. *Рассказ*. Перевод с белорусского Н. Казаполянкой 62
- Три моих поэта
- Елизавета ПОЛЕЕС. Я рядом с тобой: Виктор Шнип, Микола Федюкович,
Виктор Гордей. *Стихи* 71
- Ольга ЕРЫШЕВА. Чужая жизнь. *Рассказы* 76
- Анжела БЕЦКО. Городские мотивы. *Стихи* 89
- Владимир СТЕПАН. Улицы и люди. Перевод с белорусского Е. Маркович 92
- Наследие
- Владимир КОРОТКЕВИЧ. Клич отзвеневших столетий земли... *Стихи*.
Перевод с белорусского П. Жолнеровича 109
- «Всемирная литература» в «Нёмане»
- За дюнами. Проза Саудовской Аравии.* Фавзия АЛЬ-БАКР, Бадрия АЛЬ-БИШР,
Хамза Мухаммед БОГАРИ, Саад АД-ДУСРИ, Халиль АЛЬ-ФУЗАЙ,
Ашик Иса АЛЬ-ГАЗАЛЬ, Умайма АЛЬ-ХАМИС, Хайрия Ибрахим АС-САКАФ,
Шурфа ШАМЛАН, Хисса Мухаммед АТ-ТУВАЙДЖИРИ. *Рассказы*.
Перевод с арабского А. Симоновой 117
- Дорога к мудрости. Поэзия Саудовской Аравии.* Мухаммед Хасан АВВАД,
Мухаммед Саид АЛЬ-АМУДИ, Хашим АЛЬ-ДЖАХДАЛИ, Гассан АЛЬ-ХУНАЙЗИ,
Ахмед АЛЬ-МУЛЛА, Абдаллах Салих АЛЬ-УСАЙМИН,
Аднан ас-Сейид АЛЬ-АВВАМИ. *Стихи*. Перевод с арабского Н. Переяслова, В. Исаева 138
- Время. Жизнь. Литература
- Владимир ГНИЛОМЕДОВ. Где прожил жизнь — там Родина 145
- Эпоха. Судьбы. Память
- Иосиф КАЛЮТА. Слуга двух богинь 175

АДДЗЕЛ КРАЯЗНАУЧАЯ
ЛІТАРАТУРЫ І БІБЛІЯГРАФІ

Установа культуры
"Абласная бібліятэка
імя М. Горкага"

С точки зрения рецензента

- Татьяна ШАМЯКИНА. «Неба колокол бьет надо мной...» 197
Валентина ЛОКУН. Исследование, которого ждали давно 204
Алесь МАРТИНОВИЧ. В глубину своего рода 211

Книжное обозрение

- Василь СЛУЦКИЙ. Новые книги 215

Из почты журнала

- Сергей ЧИГРИН. Документы Владислава Чаржинского в архиве
Казанского медицинского университета 217
Георгий АНЧУГИН. Слово в системе средств глобального противоборства ... 221
Авторы номера 224

**Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»**

**Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

*Раиса Боровикова, Вадим Гигин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Тамара Краснова-Гусаченко, Павел Латушко, Валентин Лукша,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Александр Коваленя,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Юрий Сапожков (редактор отдела поэзии),
Анатолий Сульянов, Алексей Черота (заместитель главного редактора),
Николай Чергинец*

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Н. Макаренко*

Стильредактор *Н. А. Пархимович*

Набор *И. М. Кульбицкая*

Подписано к печати 10.04.2012 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 3309. Заказ 1052.

Цена номера в розницу 13 600 руб.

Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.

Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.

Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии,
публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.

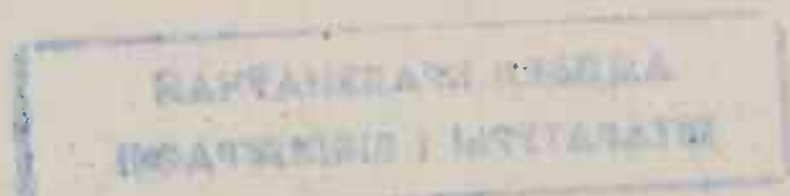
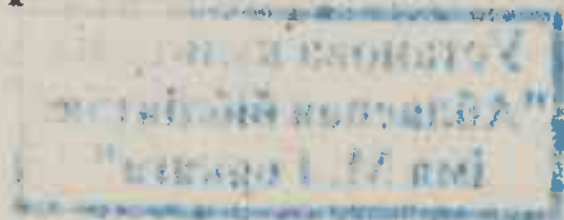
e-mail: neman-lit@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2012, № 4, 1—224

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»**

Исследование, которого ждали давно

Книгу известного литературоведа Николая Микулича (Мікуліч, М. У. Паэзія Заходняй Беларусі (1921—1939) / М. У. Мікуліч. — Мінск: Бел. навука, 2010. — 462 с.) можно назвать этапной в исследовании поэзии Западной Беларуси 1921—1939 годов. Первооткрывателем этого своеобразного литературного материка был В. Колесник. Это он разрушил догматические схемы и упрощения социологических трактовок развития западнобелорусской поэзии. Он представил читателям таких ярких и неординарных поэтов, как М. Василек, А. Сологуб, М. Засим, В. Жилка, литературное наследие Грамады — А. Милютя, Ф. Коровацкога, Н. Жальбы. Однако при всей уникальности своего таланта, великий ученый был все же несколько ограничен своим историческим временем и той идеологией, в рамках которой ему пришлось заниматься научной работой.

Можно вспомнить и более поздние попытки обзора западнобелорусской поэзии, но они носят скорее локальный характер (Р. Березкин, а также И. Богданович, А. Воробей, Л. Савик, Я. Чиквин и др.). Кроме того, исследования советского периода касались в первую очередь ее радикально-революционно-го или прокоммунистического сегмента, когда выявлялась культурно-общественная деятельность и художественные искания прежде всего М. Танка, П. Пестрака, В. Тавлая, реже — М. Василька, М. Засима и др. Совсем мало внимания уделялось демократическим, общегуманистическим течениям и тем более «чисто» эстетическим, творче-

ству клириков-католиков, которые тем не менее оставили заметный след в развитии поэзии этого края.

Н. Микулич представляет нам западнобелорусскую поэзию 20—30-х годов прошлого столетия как явление сложное и противоречивое. И это правильно. По сравнению с литературой Советской Беларуси, это был совершенно иной художественный мир. Мир, который жил по своим идейно-эстетическим законам — в соответствии с общественно-политическими и историческими реалиями Западной Беларуси того времени. Это был, утверждает Н. Микулич, «вельмі складаны перыяд грамадска-гістарычнага развіцця, багаты на значныя сацыяльна-палітычныя падзеі і факты, яркія, каларытныя і ў той жа час драматычныя і трагічныя асобы і лёсы, цікавыя і арыгінальныя ідэйна-мастацкія пошукі і адкрыцці»¹. Сложности и противоречия общественно-политической жизни породили различные формы народно-освободительного движения, в котором огромное значение придавалось печатному слову, слову писателя, поэтическому слову. Творчество писателя, в первую очередь стихотворные произведения, воспринималось как неотъемлемая общественная деятельность автора. Поэзия как вид искусства развивалась в контексте общественно-политической жизни и была тесно связана с задачами партийно-идеологической борьбы и идейного противостояния.

Автор дает глубокий срез общественной жизни края, выявляя ее характерные особенности, а вместе с тем и

¹ Мікуліч, М. У. Паэзія Заходняй Беларусі (1921—1939) / М. У. Мікуліч. — Мінск: Бел. навука, 2010. — С. 3. (Далее ссылки на это издание даются в тексте.)

ее роль в развитии эстетической мысли Западной Беларуси. Он глубоко и доказательно формулирует положение о том, что западнобелорусская поэзия «*напершае, была адным з асноўных сродкаў раскрыцця грамадскай свядомасці «забранага краю», а па-другое, яе развіццё ажыццяўлялася ў шырокім спектры грамадска-культурнага ўзаемадзеяння, ва ўмовах жорсткай партыйна-ідэалагічнай і палітычнай барацьбы*». Вместе с тем, ученый подчеркивает, что «*гэта была паэзія актыўнага пошуку новых тэм і вобразаў, спосабаў мастацкага адлюстравання жыцця і чалавека, тыпаў творчасці, эстэтычна-выяўленчых сродкаў і кампанентаў*», она характеризовалась «*надкрэсленай зместавай і фармальнай неаднароднасцю, шматколернасцю і поліфанічнасцю, спалучэннем розных мастацкіх напрамкаў і творчых метадаў, тэндэнцый і школ, стылявых плыняў, ліній і арыентацый, жанравых структур*» (25).

Кроме того, порожденная конкретно-историческими реалиями жизни, западнобелорусская поэзия была тесно связана с традициями национальной, а также европейских (особенно славянских) литератур.

Исходя из теоретико-методологических и историко-литературных достижений и наработок современного литературоведения, Н.Микулич поставил перед собой задачу типологического изучения западнобелорусской поэзии, акцентировав при этом внимание на понятии стиля. Он пытается отобразить генетику и характерологические особенности ведущих стиливых течений, связав их в единый поток движения поэзии Западной Беларуси. Это — новаторское решение изучения поэзии края. В этом одно из главных новшеств научного труда исследователя.

Н. Микулич не случайно избрал для себя такой принцип исследования. Стиливой аспект, по мысли автора, является одним из наиболее продуктивных в исследовательском процессе, более того, он «*з'яўляецца адным з асноватворных і вызначальных у сістэме пазнавальнай дзейнасці чалавека*» (40).

В теории литературы, в том числе и в отечественном литературоведении,

отмечены различные определения стиля. Это достаточно разработанное категориальное понятие. Однако и здесь ученый стремится быть оригинальным. Он утверждает, что стиль как понятие «*складанае і супярэчлівае, валявое і дынамічнае, цэльнае і характарыстычнае. Сваім зместам яно звернута да адзінства і ўзаемадзеяння асобнага, індывідуальна адметнага і непаўторнага і агульнага, калектыўнага, гістарычна і сацыяльна абумоўленага і заканамернага ў чалавечым вопыце і грамадскім быцці*» (41). Н. Микулич рассматривает стиль «*не толькі як падпарадкаванасць творчасці пісьменніка пэўнай эстэтычнай характэрнасці, мастацкай заканамернасці, але і як падпарадкаванасць самога пісьменніка асаблівасцям грамадскага жыцця, рэчаіснасці, якая выстаўляе яму свае патрабаванні, абумоўлівае змест і напрамак ідэйна-эстэтычных пошукаў*» (41). «*Стыль, — убеждает нас ученый, — раскрывае ўнутраную логіку творчага акта, пэўным чынам цэнтралізуе і дынамізуе яго. Асобнае, частку, прыватнае ён рэалізуе ў агульным мастацкім цэлым і, наадварот, агульнае мастацкае цэлае выяўляе ў асобным, частцы, прыватным*» (48). В понимании автора, «*стыль абавязкова прадугледжвае пэўную логіку, мастацкі сэнс, эстэтычную дамінанту...*» (42).

Ученый вводит в систему исследования понятия индивидуального стиля, стиля художественного направления, творческого метода, стиливого течения, национального и региональных стилей, стиля эпохи. Исходным в его работе является индивидуальный стиль писателя. Автор определяет его многообразно, «*як своеасаблівы вобраз мастацкага быцця чалавека, яго паяднання са знешнім светам падзей і фактаў*», который «*абумоўліваецца не толькі характэрнымі асаблівасцямі прыродна-чалавечага кода аўтара. Ён паўстае да жыцця ў пэўнай мастацка-сацыяльнай прасторы, на глебе нейкай стылявой традыцыі ці традыцыі — «стылявой памяці» ці «стылявога коду*» (46).

Н. Микулич внимательно следит за формированием индивидуальных стилей — основы всякой стиливой общности. Здесь он особенно конкретен и

детален. Индивидуальный талант, «впитав» в себя противоречивые общественно-социальные факторы и преломив их через свою внутреннюю сущность, свой характер, свои морально-этические установки, становится фактом действующего литературного процесса, т. е. носителем стилевой общности. Впоследствии это индивидуально-конкретное стилевое начало складывается в стилевые потоки, а те в свою очередь формируют общее целое — литературно-художественную систему Западной Беларуси. Такова «схема» связи индивидуально-конкретного и более общего, всеобщего.

Автор еще больше, на более глубоком уровне развивает возможности биографического исследования. Он стремится представить личность каждого поэта в многообразии его индивидуальных общественных и литературных исканий. Он стремится определить истоки творческого вдохновения художника, выявить традиции, обозначить пути эволюционного развития, раскрыть природу творчества, его идейно-эстетическое отличие. Творческую биографию поэта ученый рассматривает в тесной взаимосвязи с духовными и социальными процессами Западной Беларуси. К тому же поэтическое наследие писателя, как правило, проецируется, связывается с реалиями общественно-социальной жизни. Таким образом, биографический и художественно-эстетический аспекты конвергируются и сублимируются с национально-историческим, социально-политическим, возникает особый художественный мир, в котором внутреннее «я» поэта сопряжено с восприятием и оценкой мира внешнего, социального, мира-универсума. Это и придает глубину научному дискурсу Н. Микулича.

Всякое движение литературы — это прежде всего движение индивидуальных стилей. Но вместе с тем они не могут развиваться автономно, вне связи с другими более общими стилевыми процессами. Индивидуальные стили, стилевые течения и стилевые направления Н. Микулич рассматривает в их единстве и взаимодействии, в их обусловленности социально-эстетическими традициями и особенностями

ми литературного процесса, а также в связи с мировоззрением и художественным методом писателя.

В общем многоликом и многоголосом поэтическом потоке поэзии Западной Беларуси Н. Микулич выделяет несколько стилевых общностей, которые он именует течениями: лирико-повествовательное, романтическое и духовно-иррациональное.

В каждом из обозначенных стилевых течений автор стремится определить характерные для него закономерности, особенности эмоционально-образного построения, художественные приемы отображения мира и человека, особенности жанрового построения, поэтико-стилистическое оформление.

Самым давним по времени и разработанным в поэзии Западной Беларуси автор справедливо считает лирико-повествовательное стилевое течение (раздел «Магчымасці паэтычнага аповяду»). Оно было наиболее тесно связано с опытом и художественными наработками прошлого, отличалось особой эпичностью, повествовательностью. Автор подчеркивает, что это течение основывалось на принципе социально-исторической объективности и было обращено к правдивому показу окружающего мира, конкретному отображению явлений и событий. Здесь он выделяет элементы объективно-повествовательного, социально-эпического и субъективно-лирического, духовно-чувственного начал. Это были тексты, которые строились одновременно как отображение, переживание и говорение. Им была свойственна, как тонко подметил ученый, *«пільная ўвага да хранатопаў народнага жыцця і барацьбы, рух лірычнай падзейнасці, характэрная сюжэтная пачуццёвасць, дакладная прадметная выяўленчасць. У іх даволі выразна гучалі сацыяльна-публіцыстычныя матывы і вобразы»* (430).

Внутри этого течения автор резонно выделяет нашеневский и западно-белорусский периоды, отмечая при этом их преемственные связи в плане духовно-моральном и идейно-эстетическом. Вместе с тем он усматривает и те моменты, которые отличают эти две художественные общности. Твор-

чество писателей нашенивского периода, по его мнению, «вызначалася аднастайнасцю тэм, матываў і вобразаў, прасталінейнасцю і каструбаватасцю зместу, апяваннем сацыяльнай і нацыянальнай нядолі беларуса, няволі роднага краю, характэрнай агульнаасабовасцю, паслабленнем ролі героя ў структуры верша» (74). В то время как творчество западнобелорусских поэтов отмечалось «ростам суб'ектыўнага фактару, індывідуальна-аўтарскага пачатку, актывізацыяй эмацыянальна-пачуццёвага пранікнення ў працэсы грамадскага жыцця, формамі творчага мадэлявання і інш.» (74).

Нашенивский период автор представляет творчеством Гальяша Левчика («тыповы пісьменьнік-нашанівец з найбольшым прыбліжэннем да сялянскіх пісьменнікаў» (И. Дворчанин), Янки Былины. В контексте этого стилевого течения исследователь открывает ранее неизвестные нам имена Франтишка Гришкевича, Улад.-Иницкого, Станислава Станкевича. Творчество этих поэтов, отличное по своим художественным решениям, существенно разнообразило лирико-повествовательное стилевое течение. Сегодня, подчеркивает автор монографии, идейно-эстетические поиски этих поэтов, как, впрочем, и других писателей, сторонников нашенивской нормы, воспринимается как «мастацкі дакумент жыцця шырокага грамадска-сацыяльнага асяроддзя, адлюстраванне яго набалелых праблем, імкненняў і жаданняў» (116).

В отличие от поэтов нашенивского периода, группа творцов лирико-повествовательного стилевого течения была более многочисленной. Их тексты, подчеркивает Н. Микулич, отличались достаточно широкой концепцией жизни общества, социально-нравственной насыщенностью, стремлением авторов выявить точки соприкосновения судьбы человека и судьбы народа. Художественные дискурсы этих поэтов были отмечены особенной четкостью поэтического рисунка, свободой выбора художественной формы, публицистическим напряжением, пластичностью ритмико-интонационного построения. Исследователь приводит здесь имена Алеся Смаленца, Михася

Василька, Михася Машары, Миколы Засима, Нины Тарас, Анатоля Иверса и др. Алесь Смаленец — еще одно имя, открытое Н. Микуличем. Это был поэт-новатор, он утверждал формы небольшого, но емкого социально-психологического стихотворения. Ученый подчеркивает неординарность текстов А. Смаленца, выявляет его роль и значение в развитии западнобелорусской поэзии.

Не менее интересно подается и творчество других поэтов. К примеру, подчеркивается нетрадиционность манеры поэта-самородка Миколы Засима, который избрал свою тропинку, «яго вуснамі прамаўляла само працоўнае асяроддзе, зняможаны доляю селянін-аратай» (167).

Н. Микулич вносит много нового и в «прочтение» романтического стилевого течения (раздел «На крылах рамантычнага ўздыму»). Естественно, он исследует его уже с позиций сегодняшнего дня, с высоты XXI века. Ученый существенно дополняет профессора В. Колесника, который воспринимал западнобелорусскую поэзию преимущественно как романтическую, как «паэзію змагання». Именно так она оценивалась советским литературоведением. Романтическая поэзия, ее сущность сводилась к уровню идеи борьбы против социального и национального угнетения. К тому же, не учитывалась или существенно упрощалась, сложная и противоречивая художественная палитра этого стилевого течения.

Автор монографии дает свое определение этому стилевому течению. Поэтика романтического стиля, по его мнению, «уяўляла сабою не аднастайную цэласнасць, а дастаткова складанае і супярэчлівае адзінства, якое прадугледжвала перавагу нейкага аднаго комплексу рыс і адзнак. Гэта была як бы плынь у плыні, калі ў творчасці пэўнага кола аўтараў атрымлівалі актыўнае прадуцыраванне адны эстэтычныя асаблівасці і кампаненты рамантычнага дыскурсу і паслабляліся іншыя» (64). Исследователь поясняет, что, говоря о романтическом стилевом течении, он имеет в виду не классический европейский романтизм, адаптированный к национальному историческому социуму,

а романтический принцип мироощущения автора и его героя, характер художественного обобщения, романтический тип содержательных и формообразующих элементов поэтического дискурса. Он глубоко выявляет то характерное, что определяло тексты западнобелорусских поэтов-романтиков — особое возвышенно-идеализированное содержание, рельефность художественного рисунка. В них присутствовало иносказание, символично-аллегорические компоненты, ирония, гипербола, гротеск и др. В отличие от поэтов лирико-повествовательного стилевого течения, поэты-романтики жили не столько современностью, сколько будущим. Они жили идеей преобразования западного края на принципах правды и справедливости, красоты и гармонии, добра и счастья. Здесь доминировало субъективное начало, импровизация переживаний лирического героя, его фантазии, мечты, представления.

Романтическое стилевое течение ученый разделяет на две структурные линии: национально-возрожденческую и революционную.

Родоначальником первой является известный партийный и общественный деятель, поэт, прозаик и драматург Леопольд Родевич. В этой же художественно-стилевой парадигме творили Владимир Жилка, Игнат Дворчанин (автор известной в Западной Беларуси «Хрэстаматыі новай беларускай літаратуры (ад 1905 года)», Петр Сакол, Лариса Гениуш. Здесь так же представлены и новые имена — Владислав Козловщик и Авген Бартуль. По мнению Н. Микулича, поэты этой стилевой линии «адчувалі цесную сувязь з нацыянальным духоўным кодам, гістарычным мінулым роднага краю, шматлікімі гераічнымі падзеямі і легендарнымі асобамі, багатым і разнастайным вопытам сваіх дзядоў і прадзедаў» (244).

Революционно-романтическую линию представляют Алесь Сологуб, Павлюк Шукайло, Пилип Пестрак, Валентин Тавлай (один из лучших западнобелорусских поэтов, творчество которого выросло на почве движения Грамады), Максим Танк, Сергей Хмара и т. д. Творчество поэтов рево-

люционной романтической линии автор тесно связывает с реалиями общественной жизни, политической борьбой. Он убежден, что эта стилевая линия развивалась «на аснове вострай супярэчнасці, жорсткага супрацьборства паміж самадастатковай чалавечай асобай, смелай і высакароднай індывідуальнай воляй і светам сацыяльнай і нацыянальнай несправядлівасці і прыгнёту» (265). Вместе с тем в текстах этих поэтов, замечает автор, значительно ослаблены духовно-патриотическое и национально-возрожденческое начала, ориентация на историческое прошлое. Они характеризовались «надкрэсленай ідэйна-палітычнай заангажаванасцю, сцвярджэннем асноў грамадзянска-рэвалюцыйных эмоцый», в них «пераважалі прыцыпы класавай барацьбы і супрацьстаяння, сацыяльнай непрымірымасці» (265). Творческие искания поэтов революционно-романтической линии были ориентированы на марксистско-ленинское мировоззрение, коллективистское «мы» у них превалировало над внутренним «я» человека. Все это существенно обедняло облик лирического героя.

Позитивно и то, что ученый не ограничивает четкой линией романтическое стилевое течение. Определенные черты этого стиля он усматривает и в произведениях Г. Левчика, М. Василька, А. Милютя, П. Гранита, К. Свояка, Н. Арсеньевой, Х. Ильяшевича, поэтические дискурсы которых доминантно соответствовали лирико-повествовательному и духовно-иррациональному течению.

Духовно-иррациональное стилевое течение (раздел «У рэчышчы духоўна-ірацыянальных пошукаў») меньше всего было связано с социумом, реальной действительностью и развивалось, как доказательно показывает Н. Микулич, по принципам субъективно-индивидуального познания жизни. Это течение было связано с осмыслением духовно-философских, социально-нравственных и душевно-психологических аспектов взаимосвязи человека и мира. Оно представляло, как образно отметил автор, «своеасаблівую сакральна-містычную прастору, якая вызначалася энергетычным зарадам рэлігіянасці, раскрыццём

духоўнага зместу падсвядомага» (329). Н. Микулич выдвигает идею об оппозиционировании этого течения грубому эмпиризму реальной жизни. Поэты, творившие в рамках духовно-иррационального течения, отделяли литературу от задач политики и злободневности социума, считая, что сфера творчества развивается на основе безусловности и «самозаконности» и стоит над материальным и социальным. Их лирический герой не продуцировал значимых социальных или общественно-политических идей, не был связан с общественной средой и не стремился подчинить себе мир. Он был сосредоточен на своем внутреннем «я», которое в свою очередь не было связано с окружающим его миром, но было включено, как замечает автор, в пространство бесконечного космического целого.

Поэты этого течения свою главную задачу видели в утверждении высокого духовно-эстетического начала, в восславлении добра и красоты. *«Мастацкія пошукі прадстаўнікоў гэтай плыні, — падкрэўвае Н. Микулич, — вызначаліся наяўнасцю характэрнай духоўна-інтэнцыянальнай эмоцыі, якая акрэслівала модус існавання лірычнага героя праз адметнае сінтэзаванне свету натуральных бачнасцей і адчуванняў як стыхіі абсалютнай усеагульнасці, матэрыяльнага ўніверсуму і творчай суб'ектыўнасці»* (331).

Эстетической доминантой духовно-иррационального стилевого течения является категория прекрасного (по-белорусски «красы»), которую автор представляет не только как форму эмоции, форму движения человеческого духа, но и *«як вярхоўны сэнс імкнення і развіцця асобы, як вышэйшую трансцэндэнтную мэту»* (348). И это было не менее актуально для своего времени, чем критика социума и призыв к революционной борьбе.

Зачинателем духовно-иррационального стилевого течения Н. Микулич называет Казимира Свояка, католического священника, творчество которого, по словам автора, было отмечено особенным мистическим, интуитивно-экстатическим восприятием мира и отличалось выраженным философско-ана-

литическим характером. Нравственный идеал поэта формировался на основе религиозно-философских постулатов. К. Свояк, по мысли ученого, утверждал веру в Бога и Богочеловека, Иисуса Христа — совершенного Бога и совершенного Человека. Тексты К. Свояка в тогдашней литературной среде воспринимались неоднозначно. Н. Микулич с позиций уже сегодняшнего дня пытается разобраться в полемике вокруг творческого наследия К. Свояка.

В рамках духовно-иррационального стилевого течения ученый рассматривает творчество Винцука Адважного, Натальи Арсеньевой, Хведара Ильяшевича, Анатоля Березки. Он впервые выносит на суд читателей творческое наследие Петра Севрука. Стихи поэта, как известно, не печатались и дошли в рукописном виде. Интересна интерпретация исследователем творчества П. Севрука, тексты которого были наполнены идеей внутренней свободы — свободы сознания, чувств, мышления. Н. Микулич обращает внимание на моменты отличия идейно-художественных императивов П. Севрука от идейно-художественных решений К. Свояка, В. Адважного и даже М. Василька. П. Севрук осуждал революционные методы борьбы, он верил, что добро является первоосновой жизни, оно неизбежно победит зло, ибо, как подчеркивает Н. Микулич, *«жыццё развіваецца ў аднаведнасці з высокай духоўнай сутнасцю, Провідам Божым і валодае вялікім унутраным патэнцыялам абнаўлення»* (425).

Резюмируя свои наблюдения, Н. Микулич приходит к заключению, что *«паэты духоўна-ірацыянальнай стылявой плыні стваралі сваю мадэль быцця, адметны містыка-таямнічы свет, асновай якога выступала адухоўленая вытанчаная асоба лірычнага героя, метафізіка па характары, мастацкага адчування і мыслення...»* (426).

Научное исследование Николая Микулича убеждает нас в том, что западнобелорусская поэзия 1920—1930-х годов, движимая народно-патриотической идеей, развивалась интенсивно, мощно — во взаимосвязи и взаимопроникновении разных тенденций и течений, демонстрируя миру *«розныя сты-*

лявыя схільнасці і падыходы, мадэлі і тыпы адлюстравання складаных жыццёвых працэсаў» (436). Исследователь стремится максимально широко — в контексте не только одного «эстетико-стилевого» течения, но и литературы в целом, — рассмотреть стихотворные тексты авторов, отметить особенности их содержательных и формообразующих свойств, выявить типологические характеристики, традиции и т. д. Каждая персоналия — это многогранная личность в широком спектре ее общественно-социальных связей. Каждая творческая личность — это отдельная страница в историческом развитии западнобелорусской поэзии.

Совершенно очевидно, что Н. Микулич проделал огромную работу по сбору неизвестных ранее художественных текстов, исторических документов, открыл имена новых поэтов. Он является автором книг и брошюр, тематически связанных с западнобелорусской поэзией: «Максім Танк і сучасная беларуская лірыка» (1994), «На зломе часу» (1995), «Пошук вядзе ў глыбіню» (1998), «Максім Танк: на скразняках стагоддзя» (1999), «Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка» (2001), «Міхась Васілёк: паэзія давераснёўскага перыяду» (2005), «Паэзія Казіміра Сваяка» (2005), «Міхась Машара: паэзія заходнебеларускага перыяду» (2010) и др. Таким

образом, можно сказать, что научная биография Н. Микулича, как и его предшественника В. Колесника, тесно связана с западнобелорусской поэзией. Но он пошел значительно дальше В. Колесника, он углубился в сферу эстетики, в литературный контекст, он написал свою историю поэзии Западной Беларуси 1920—1930-х годов, принципиально отличающуюся от всего ранее написанного на эту тему. И не только по причине своей масштабности, научной обоснованности, аналитической глубины. Новаторство монографии Н. Микулича еще и в том, что в основу своего исследования талантливый ученый положил принцип стилевого подхода в изучении поэзии, объясняя понятие стиля как одну из наиболее продуктивных форм художественного познания.

Ученый предлагает нам научно обоснованную, глубоко выверенную, конкретно-доказательную типологическую систему стилевого развития поэзии Западной Беларуси, обращая при этом свое внимание на многие сложные и противоречивые моменты художественных исканий поэтов этого края.

Монография Н. Микулича, безусловно, займет свое достойное место в современном отечественном литературоведении.

Валентина ЛОКУН

